

Василий Иванович Немирович- Данченко

Божий суд

(Очерки жизни и войны в Дагестане. Часть
#1)

Немирович-Данченко Василий Иванович — известный писатель, сын малоросса и армянки. Родился в 1848 г.; детство провел в походной обстановке в Дагестане и Грузии; учился в Александровском кадетском корпусе в Москве. В конце 1860-х и начале 1870-х годов жил на побережье Белого моря и Ледовитого океана, которое описал в ряде талантливых очерков, появившихся в «Отечественных Записках» и «Вестнике Европы» и вышедших затем отдельными изданиями («За Северным полярным кругом», «Беломоры и Соловки», «У океана», «Лапландия и лапландцы», «На просторе»). Из них особое внимание обратили на себя «Соловки», как заманчивое, крайне идеализированное изображение своеобразной религиозно-промышленной общины. Позже Немирович-Данченко, ведя жизнь туриста, издал целый ряд путевых очерков, посвященных как отдельным местностям России («Даль» — поездка по югу, «В гостях» — поездка по Кавказу, «Крестьянское царство» — описание своеобразного быта Валаама,

«Кама и Урал»), так и иностранным государствам («По Германии и Голландии», «Очерки Испании» и др.). Во всех этих очерках он является увлекательным рассказчиком, дающим блестящие описания природы и яркие характеристики нравов. Всего более способствовали известности Немировича-Данченко его хотя и не всегда точные, но колоритные корреспонденции, которые он посылал в «Новое Время» с театра войны

1877 — 78 годов (отд. изд. в переработанном виде, с восстановлением выброшенных военной цензурой мест, под заглавием «Год войны»). Очень читались также его часто смелообличительные корреспонденции из Маньчжурии в японскую войну 1904–1905 годов, печат. в «Русском Слове». Немирович-Данченко принимал личное участие в делах на Шипке и под Плевной, в зимнем переходе через Балканы и получил солдатский Георгиевский крест. Военные впечатления турецкой кампании дали Немировичу-Данченко материал для биографии Скобелева и для романов: «Гроза» (1880), «Плевна и Шипка» (1881), «Вперед» (1883). Эти романы, как и позднейшие романы и очерки: «Цари биржи» (1886), «Кулисы» (1886), «Монах» (1889), «Семья богатырей» (1890), «Под звон колоколов» (1896), «Волчья съть» (1897), «Братские могилы» (1907), «Бодрые, смелые, сильные. Из летописей освободительного движения» (1907), «Вечная память! Из летописей освободительного движения» (1907) и др. — отличаются интересной фабулой, блеском изложения, но пылкое воображение иногда приводит автора к рискованным эффектам и недостаточному правдоподобию. Гораздо выдержаннее в художественном отношении мелкие рассказы Немировича-Данченко из народного и военного быта, вышедшие отдельными сборниками: «Незаметные герои» (1889), «Святочные рассказы» (1890) и др.; они правдивы и задушевные. Его эффектные по фактуре стихотворения изданы отдельно в Санкт-Петербурге (1882 и 1902). Многие произведения Немировича-Данченко переведены на разные европейские языки. «Избранные стихотворения» Немировича-Данченко изданы московским комитетом грамотности (1895) для народного чтения. В 1911 г. товариществом «Просвещение» предпринято издание сочинений Немировича-Данченко (вышло 16 т.). Часть его сочинений дана в виде приложения к журналу

«Природы и Люди».

Василий Иванович многие годы путешествовал. В годы русско-турецкой, русско-японской и 1-й мировой войн работал военным корреспондентом. Награжден Георгиевским крестом за личное участие в боях под Плевной. Эмигрировал в 1921 году. Умер в Чехословакии.

**Василий Иванович
Немирович-Данченко
Божий суд**

Утро сияло в горах Дагестана. Только что вставшее солнце разогнало туман... Лошади давно били копытами в землю от нетерпения. Какая-то чёрная птица взмыла из развалин и разом утонула в ярком блеске... Снеговые глыбы на высотах пылали.

— Божий суд!.. Божий суд!.. — слышалось в толпе лезгин...

Когда они выехали, Курбан-Ага отыскал внизу своего коня и гордо следовал в их толпе. Лучшего он не мог ждать. Он мог умереть, убивая не как преступник, а как честный враг. Тропинка вела отсюда через арку старого моста, дерзко переброшенного без устоев над пропастью... Мост был так узок, что если бы кто ехал навстречу, то или он, или следовавший из крепости должен был бы сбросить своего коня вниз в бездну, где чуть-чуть слышалось в страшной низине ворчание едва заметного потока... По окраинам моста видны были следы парапета, но он давно обвалился и только в одном месте часть его осталась одиноким зубцом. Несколько столетий стоит эта замечательная арка, а всё-таки каждому представляется, что она вот-вот сейчас имен-

но под ним должна рухнуть в ту глубину, где вода разбивается о скалы, торчащие остриями вверх. Огромные леса по скатам бездны чудятся отсюда мелкой травой... Лезгинам впрочем такие пути были привычны. Они смело кидались вскачь по ним даже и тогда, когда их крутом окутывают тучи, хотя поверхность арки давно сгладилась, и на ней легко было поскользнуться. Так и теперь, Джансеид и Селим с бешеным криком молнией промчались по арке, хлеща лошадей нагайками и весело перекрикиваясь друг с другом... Остальная молодёжь сделала то же. Хаджи Ибраим и пожилые люди с улыбкой смотрели им во след, но сами ехали важно, истово, медленно...

— Хорошее место для суда Божьего! — заметил кабардинский князь...

— Нет... дальше лучше есть! — ответил ему старый лезгин. Тропинка за мостом пропала в диком лозняке, в зарослях жасмина, цветы которого осыпали всадников белыми лепестками... Должно быть, недалеко было жильё, потому что справа слышались полные сладкой грусти звуки чианури, трепетные,

рассеянные, словно кто-то вздыхал, а не струны пели под медлительными пальцами игравшего.

Лезгинам, впрочем, некогда было останавливаться. Их манила к себе долина. И какая долина! Становилось жарче и душнее, чем более люди опускались вниз... Мрачные силуэты голых гор точно сторожили этот райский уголок. Внизу, в долине, лезгины поели и напились холодной, как лёд, воды из горного потока... Курбан-Ага до конца Божьего суда считался гостем, по обычаю. Ему подавали лучшие куски и обращались с ним приветливо. Даже во взглядах, которыми он менялся с князем Хатхуа, не было ненависти. Ей нет места, где решение принадлежит Аллаху... В долине к партии присоединилось ещё несколько лезгинских удальцов из аула, спрятавшегося в чаще... Навстречу им также пели:

*«Слуги вечного Аллаха, —
К вам молитву мы возносим»...*

Предположение Курбан-Аги, что отряд, по мере движения вперёд, будет расти, как лавина, оказалось справедливым. Ещё недалеко

было от Салтов, а он удвоился. Теперь уже князь, в качестве вождя, выбирал. Так, из вновь приехавших двоих, показавшихся ему слишком старыми, он отослал назад, поблагодарив их. Хаджи Ибраим, знаток Корана, в утешение объявил, что, так как они вернулись не по своей воле, то их намерение пред очами Аллаха является тем же, что и действительное участие в газавате. Старики даже обрадовались столь дешёво доставшемуся им райскому блаженству, и, не успел отряд подняться на высоту, как они опять нагнали его, держа перекинутыми через сёдла баранов в подарок. За противоположным гребнем было место, годное для суда Божьего, и Хаджи Ибраим объявил об этом князю и Курбан-Аге.

Пока посланные осматривали место, оба противника сидели на гребне горы, закутавшись в свои бурки и погрузясь, по правилу, в размышления о девяносто девяти качествах Аллаха. Теперь ничто земное не должно было их тревожить. Кабардинский князь даже глаза зажмурил, чтобы дневной свет и панорама плававших в бесконечности воздушных вершин Дагестана не отвлекали его мыслей от

предписанного законом благоговейного созерцания. Курбан-Ага, уже несколько скептически настроенный, благодаря частому общению с русскими, весь ушёл в воспоминания о родимом уголке. Перед ним теперь рисовался, словно въявь, залитый солнечным светом дворик, по камням которого вздрагивают и передвигаются лёгкие тени от выросшей в углу его чинары. Ветерок колеблет её листья, и они же колышутся внизу. На плоской кровле поднялись лилии, и нежный аромат их стоит над этим гнездом, где теперь сосредоточилось всё, что любил собиравшийся умереть елисуец. Действительно, вон, из полумрака каморки, выходящей во дворик единственным своим отверстием — дверью, выбежал кудрявый большеглазый мальчик, уже, как следует мужчине, не отрывающий руки от кинжала; другой, поменьше, за ним. Смех их и хохот раздаются по всему дому, и сверху с галереи заботливо оглядывается на них занятая тканьем лезгинского сукна жена Курбан-Аги. Курбан-Ага вспомнил, с какою радостью он всегда переступал порог дома, плотно запирая за собою калитку в слепой стене, окру-

жавшей его. Тут были вечный мир и спокойствие. Даст Аллах, и после будет продолжаться также. Гюльма сумеет вырастить детей и без него, сделать из них молодцов. Да и русские кунаки в Дербенте не оставят их так. Генерал обещал их даже определить в корпус, и оттуда они выйдут офицерами, будут носить золотые эполеты, солдаты станут отдавать им честь. А сам Курбан-Ага сверху, из рая, будет любоваться ими и благословлять их. Когда жена узнает о его смерти?.. Он, впрочем, попросит об этом у врага... Враг не смеет отказать в последней просьбе умирающему... Впрочем, тогда будет некогда. Лучше теперь. И вот, когда кабардинский князь шептал про себя фетху, ему вдруг послышалось:

— Князь!

Он открыл глаза и с изумлением заметил Курбан-Агу.

— Что тебе? Неприлично мне перед Божьим судом разговаривать с тобою.

— Когда ты узнаешь, в чём дело, поймёшь, что иначе нельзя было. Если Аллах пошлёт мне смерть, — да будет благословенна воля Его! — прошу тебя дать знать моей вдове, а

твоей сестре — в Елисуи об этом...

— Хорошо.

— Именем Аллаха, клянись мне в этом...

Князь дал клятву, и успокоенный Курбан-Ага отошёл и сел опять.

Не надолго, впрочем.

Ездившие осмотреть место Ибраим с Джансеидом вернулись... Они молча сели у костра, где жарилась баранина. До окончания трапезы нельзя было разговаривать о деле. К обоим участникам суда Божьего подошли лезгини и подвели их к костру.

— Старайтесь укрепить пищей ваше тело! — пригласил их Хаджи Ибраим.

Ели в молчании. Теперь уже не следовало говорить никому, кроме Хаджи.

Когда мясо было съедено, и молитва мысленно прочтена, Ибраим взял кинжалы Курбан-Аги и князя, сравнил их, потом исследовал, насколько исправны их винтовки и шашки. Кончив с этим, он сломал ветвь ближайшего дерева и протянул её Курбан-Аге. Тот захватил её в руку, над его рукою взялся Хатхуа, Курбан перенёс свою выше... Последнею у излома оказалась рука елисуйца.

— Тебе ехать первому... Тут начинается выступ над бездной. Он углом заворачивает за утёс. Ты заедешь туда и вернёшься. Навстречу тебе поедет князь, — вы встретитесь, и Бог решит, кто из вас прав и кто виноват...

Лезгины остались все на месте. Присутствовать при Божьем суде посторонним нельзя.

Курбан-Ага поехал.

Тропинка круто спускалась вниз до тех пор, пока гора не обрывалась отвесом в бездну. Несмотря на яркий день, в ней ничего не было видно... Только мгла курилась далеко-далеко внизу. Мрачной тесниной вставала противоположная возвышенность, тоже обрушившаяся прямым гранитным обрезом... Над отвесом вдоль по горе шёл незаметно на первых порах рубчик... На нём только один конь мог поставить ногу, да и то сжимаясь и суживая поступь... Вверх шёл такой же отвес... Карниз выступал, когда выступала гора, и змеился, огибая громадной башней выдвинувшийся утёс. Отвесы были так громадны, бездна так чудовищна, что сверху Курбан-Ага казался мошкой, ползавшею по этому рубчи-

ку. Только эта мошка занимала всю ширину рубчика. Часто даже казалось, что она висит над пропастью, там, где карниз совсем суживался и почти сливался с утёсом... Горские кони осторожно спускались вниз. Курбан-Ага старался не смотреть в бездну. Она даже его, привычного горца, страшно тянула к себе. Точно раскрытая пасть чудовища, она подстерегала его, и, как из пасти горячее дыхание, оттуда клубился туман, но пропадал далеко ещё от карниза... На отвесах — ни трещины, ни расщелины. Точно сама природа отполировала эту теснину. Падавшему вниз не за что было зацепиться, он прямо должен был исчезнуть в пасти провала. Курбан-Ага вспомнил предание, именно об этом месте. Ни одному лезгину, падавшему туда, не случалось выйти оттуда живым, а спуститься по охоте нельзя было, и горцы передавали из рода в род, что эта щель есть ничто иное, как двери шайтана, сквозь которые из ада по ночам вылетает он сеять зло и несчастье в мире. Дна бездны тоже никто не видел сверху. Там даже воды не было, потому что ни один поток не струился туда. Тучи ещё недавно оставили

эти голые горы, и их влажный след стоял ещё на карнизе. Лошадь часто скользила по ней. Случалось, что рубчик терял горизонтальность и краешком наклонялся к бездне, точно желая сбросить туда едущего. Тут всадники невольно шептали про себя молитву и, уже жмурясь, двигались дальше, полагаясь на цепких, как кошки, горских коней. Неопытные хватались за отвес направо, упирались в него ладонями и таким образом нарушали равновесие; с таким страшным трудом и искусством соблюдаемое лошадью. Она срывалась вниз и увлекала за собою всадника. И от обоих их следа не оставалось на всём большом Божьем свете; туман всё так же зловеще и загадочно курился внизу, и бездна не выдавала никому тайны. Курбан-Ага уже более получаса ехал здесь, не оглядываясь, следует ли за ним противник или нет. Он знал, что всё равна он сам должен вернуться и открыть нападение. Место было выбрано хорошо, и Хаджи Ибраим выразил в этом всю свою боевую мудрость. Здесь одного искусства человеческого мало было, — нужно непосредственное вмешательство воли Божьей. Рубчик оги-

бал выступы — каменные рёбра горы. И Курбан-Ага то показывался на них, то опять пропадал в их складках. Наконец, издали перед Курбан-Агой выступил страшный роковой утёс, проехав который он должен обернуться для встречи с князем. Рубчик карниза почти пропадал, сливаясь с каменным телом скалы, или это так казалось от её громадности. Скала эта не только обрушивалась, как отвесы до сих пор, она висела в воздухе, потому что на горе держалась выпуклиной, горбиной. Под нею был тот же воздух, что и по сторонам.

— Ла-Илляги-иль-Аллах! — запел про себя Курбан-Ага.

Тут даже лошадь вдруг приостановилась и упёрлась передними ногами, подавшись всем корпусом назад, точно её пугал этот карниз. Она захрапела и осторожно поставила уши вперёд, но Курбан-Ага сжал ей бока ногами и слегка погладил рукою влажную, золотистую кожу её шеи. Лошадь оглянулась на него умными глазами и, не переводя ушей, медленно двинулась вперёд. Тут ей приходилось недалеко ставить копыто от копыта, потому что рубчик казался едва намеченным. Солнце сю-

да ужо попадало рассеянными и редкими, даже отражёнными лучами, и поэтому кое-где вверху, в теле утёса трепались извившиеся, искривлённые цепкие сучья «архани», единственного растения, белые корни которого умеют извлекать соки жизни и из камня... Самый выступ утёса был ужасен. Он далеко выдвинулся, точно край блюда над пропастью. Казалось, достаточно копыту ступить сюда, чтобы этот край обломился и полетел вниз — куда, неизвестно. Вдали был один воздух... Обогнув это опаснейшее место, Курбан-Ага заметил, что за ним уже рубчик карниза расширяется и лошадь его пошла живее, похлёстывая себя хвостом по втянутым бокам и кивая головой, точно сама себя одобряя за недавний подвиг этого переезда. Проехав сколько ему было сказано, Курбан-Ага — там, где карниз расширялся в площадку, обернул лошадь назад, сошёл с седла, посмотрел, прочно ли затянута подпруга, крепко ли приторочено седло. Пощупал стремяна. Обошёл коня, дунул ему в ноздри и потёр их, потёр и глаза, расчищая зрение и, исполнив всё это, стал на колени, или, лучше, присел, как все мусульмане, и ти-

хо проговорил:

— Господи! Ты знаешь жизнь мою, пошли мне победу... Даю обет выстлать персидскими коврами мечеть, позолотить седалище имама и лампы, выписать новый свиток Корана. Боже вечный, пошли мне победу!..

Окончив с этим, он потёр себе руки, как будто вызывая их силу и гибкость, сел в седло, вынул ружьё из чехла, взял кинжал в руки, потрогал пистолеты, — ловко ли их в случае чего выхватить из-за пояса, и, подняв горизонтально дуло, двинулся вперёд, готовясь всадить пулю при первой встрече врага... Он уже до рокового выступа сделал довольно значительную часть пути, но врага не было. Приостановив коня, прислушался: князь Хатхуа или ещё мало подвинулся вперёд, или нарочно удержался и ждёт его... Нет, Курбан-Ага не будет так прост и наивен, чтобы обогнуть тот выступ под дулом вражьей винтовки. Пусть князь потеряет терпение и сам сунется к нему. Теперь уже всякая хитрость дозволена врагам. Суд Божий! Аллах даёт и лукавство тому, кому он посылает победу. Нет... Чу!.. Что это?.. Стук от копыт. Хатхуа,

значит, приближается... Стук всё сильнее и сильнее... Неужели князь поёт?.. Да, именно... Курбан-Ага внутренне даже похвалил врага за отвагу... Петь теперь, в виду смерти!.. Он даже различал напев. Это священный гимн газавата... Отражённный прямыми стенами теснины, он всю её наполняет торжественным строем. Гимн ближе и ближе, стук копыт слышнее и слышнее...

— Нет, он не скажет, что я затаился, как лиса в норе, и выжидал его на себя...

И, повинуясь могучему порыву мужества и твёрдости, Курбан-Ага бросился вперёд...

— Я первый обогну выступ. А там дело Аллаха послать мне смерть или победу.

Он даже ударил коня ногой, и тот весь вздрогнул и усилил шаг.

У Курбан-Аги был достойный противник, по крайней мере и по ту сторону скал топот копыт ускорился. Видимо, и там гнали коня во всю мочь. На одно мгновение Курбан-Ага бросил взгляд в пропасть. Скала тут висела над нею, под скалою над пропастью пролетела какая-то птица, — елисуец видел её, когда она ещё не достигла скалы, и вновь заметил,

когда та вынеслась из-под неё. Ещё несколько мгновений, и только... Теперь уже всё равно. Вот и гребень выступа. Держа дуло на прицеле, вровень с головой, Курбан-Ага дико взвизгнул и вынесся на ту сторону. Как его конь не слетел в бездну, он потом не сумел бы объяснить этого. Он помнит только, что шагах в двадцати перед ним, над тою же страшною бездною нёсся на него кабардинский князь. Глаза в глаза. Под его соколиными бровями при виде противника вспыхнули гневные молнии, ноздри тонкого и нервного носа широко раздувались. Он встал в стременах, показывая презрение к врагу. Но елисуец, как лезгин, поступил иначе. Послав пулю, он приник к голове коня. Вся теснина точно ахнула от выстрела. Тысячи раз повторился он другими отвесами. Каждая скала отзывалась на них, и в глубинах бездонной пропасти грозно грохотало и ревело злое эхо.

Из-за ушей коня Курбан-Ага заметил, что его выстрел сорвал папаху с кабардинского князя. Пуля того просвистала мимо и расплющилась о камень выступа позади. Быстрее мысли елисуец выхватил пистолет из-за по-

яса и, когда лошадь врага была уже шагах в двух, — он послал ей пулю в лоб. Благородный кабардинский конь взвился на дыбы и в глазах Курбан-Аги рухнул вместе со всадником, как думал он, в бездну. Не успел ещё торжествующий крик елисуйца прозвучать над нею, как случилось чудо. Курбан-Ага почувствовал, что кто-то упал на него сверху и сильными руками сжал ему шею. Он захрипел, забился и уже замер было.

— Рано ты вздумал праздновать победу! — грозно раздалось над ним.

Голос был Хатхуа.

Дело в том, что тот, предусматривая все случайности боя, — ранее ещё вынул ноги из стремян. Когда раненый конь его взвился на дыбы и приподнял таким образом всадника, кабардинец с несравненной ловкостью вскочил на седло и схватился руками за куст «архани», торчавший над ним из скалы. Лошадь его рухнула вниз, и он сам видел, как она перевернулась в воздухе, но в то же время конь врага, двигавшийся вперёд, был уже под ним, и Хатхуа с высоты прыгнул ему на круп и сжал стальными руками горло Курбан-Аги.

— Рано ты вздумал праздновать победу...

Он несколько разжал руки. Курбан-Ага уже не мог защищаться, — враг был за спиной.

— Аллах справедлив! Не забудь передать сестре о моей судьбе. Не мсти ей и моим детям.

— Послушай, Курбан-Ага!.. Что бы ты сделал, если бы ты был на моём месте?..

— Что?.. Зачем спрашиваешь?.. Разве нет у тебя кинжала, и пропасть не внизу?

— Ты убил бы меня?

— Разумеется...

— Умри же!..

Но в эту минуту сверху что-то чёрным комком упало перед самою мордою лошади. Упала и затрепетала какая-то птица и, размахивая по камням крыльями, билась с выражением неопisanного ужаса... Не разгибая рук, Хатхуа всмотрелся. Она широко раскрывала красный клюв, но всё было напрасно: с высоты таким же камнем ринулся на неё и, только в самом низу, чтобы не разбиться, раскинул громадные чёрные крылья — горный орёл. Птица запищала ещё жалостнее, ещё шире раскрыла клюв и выставила вперёд во-

оружённые когтями лапы. Но орёл уже зацепил её и поднялся, и вдруг выпустил... Из трещины камня взвилась змея и обвила орла. Орёл со страшным врагом ринулся в недостижимую высоту и пропал в ней.

Суеверный Хатхуа счёл это указанием свыше.

Сокол остался жив, хотя орёл и налетел на него.

— Послушай, Курбан-Ага!..

— Не мучь меня, кончай скорей!..

Хатхуа с силой повернул его лицо к себе. Оно было бледно. Курбан-Ага даже закрыл глаза.

— Довольно! Я видел твой страх... Курбан-Ага... вернись домой и скажи сестре, что ты мне обязан жизнью, что я пощадил тебя, что на суде Божьем я не поразил тебя в самое сердце. Да простит мне Аллах!.. Скажи это сестре и будь счастлив... но, чтобы ты не мог предупредить русских, — иди пешком. Ты, во всяком случае, доберёшься до них после нас... Выкупом за твою жизнь — будет твой конь...

И, подняв его под руки над конём, Хатхуа через голову лошади поставил его перед нею.

— Пролезай под нею... И иди себе... В книге у пророка не было назначено тебе умереть сегодня!

Курбан-Ага покорно исполнил это... Кабардинец ударил коня и, не оглядываясь, поехал вперёд, гордый и мрачный, не думая о том, что оставшийся позади враг мог поразить его.

— Хатхуа! — слышалось за ним.

Тот привстал в стремях и обернулся.

— Хатхуа! Я научу моих мальчиков молиться за тебя.

— Научи их быть добрыми джигитами, чтобы они не позорили рода своей матери.

— Хатхуа! Вражда не вечна... Сестра будет молить тебя о мире.

— Нет, не может быть мира между нами. Аллах видит, — нет зла против тебя в сердце моем. Но она, — урождённая княжна, из рода правителей Кабарды, забыла всё и стала женой простого елисуйца.

И бесконечная гордость прозвучала в голосе кабардинского князя.

— Ведь я взял её силой. Что же она могла делать?..

— Что?.. В роду Хатхуа об этом не спраши-

вают. Когда, нет силы, — есть смерть. Она могла умереть и осталась жива, чтобы варить бузу и молоть просо простому лезгину... Нет, Курбан-Ага, не может быть мира между нами. Прощай!

И, уже не оглядываясь, князь поехал вперёд по рубчику карниза.

Теснина ещё гремела эхом недавних выстрелов, Где-то далеко, далеко внизу они повторялись глуше и глуше. В тумане, который курился из её разверстой пасти, уже исчезла лошадь с кабардинцем. Курбан-Ага повернулся, вынул ружьё из чехла опять, и, опираясь на его дуло, пошёл по тропинке...

Лезгины были все в сборе и готовы к походу. Увидев князя на лошади Курбан-Аги, они крикнули ему:

— С победой, князь, с победой!

Но он мрачно отмахнулся.

— Елисуец остался жив.

— Как! — воскликнул Ибраим и рванулся было вперёд.

— Постой... Я оставил ему страх.

— Ты пощадил его... Ты, значит, забыл, что такое суд Божий?

— Мне было знамение.

И он рассказал, как змея освободила сокола от горного орла.

Старик лезгин подъехал.

— Ты хорошо сделал, сын мой... У врага обрезаны когти теперь. Он у русских будет после нас; Аллаху угодно, чтобы отвага соединялась с милосердием. Ты поступил хорошо, сын мой... Хорошо! Это был истинный суд Божий, ибо одно из девяносто девяти свойств Господа — милость!..

1902